

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ЭПОХИ»)

Замѣчаете ли вы, милостивый государь, что настоящее время, то время, когда вы вновь начинаете ваше дѣло и когда я вновь начинаю писать къ вамъ, однимъ словомъ это послѣднее и новѣйшее изъ всѣхъ временъ, отзывается чѣмъ-то старымъ, чѣмъ-то давно знакомымъ? Говорю не шутя. По многимъ признакамъ, по нѣкоторымъ чертамъ, бьющимъ въ глаза, мнѣ иногда кажется, что мы какъ будто вернулись лѣтъ за десять назадъ, какъ будто теперь не 1864, а 1854 годъ.

Полное объясненіе этого было бы довольно трудно. Одно могу сказать навѣрное - надъ Петербургомъ царить тоска и скука, такая тоска и скука, что они живо напоминаютъ времена, повидимому, миновавшія на вѣки. Я, милостивый государь, житель столичный - вы это всегда

имѣйте въ виду. Можетъ быть тамъ, въ деревняхъ, дѣло идетъ и иначе; но у насъ, въ Сѣверной Пальмирѣ, въ центрѣ просвѣщенія и всякаго совершенства - дѣло обстоитъ такъ, какъ я вамъ докладываю. Никогда зима не была скучнѣе; никогда журналы не наводили такой зѣвоты, неутолимой никакимъ сномъ по выраженію Байрона; кто говорилъ, тотъ замолчалъ въ неизобразимомъ смущеніи, а кто могъ говорить, для того это оказалось совершенно излишнимъ трудомъ. Все поблѣднѣло, стерлось, стусевалось, спряталось и прикинулось дохлымъ.

А помните ли, какъ мы недавно шумѣли и ликовали? Какія радужныя мечты насъ питали, какъ все казалось намъ легко, скоро и возможно! Помните ли незабвенный вечеръ, когда... Но нѣтъ, лучше и не вспоминать.

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

Примѣръ этотъ какъ нельзя лучше научаетъ насъ, что не должно предаваться слишкомъ свѣтлымъ мечтамъ, что всякое упоеніе такими мечтами влечетъ за собою какъ должную кару - разочарованіе. Нужно постараться отвыкнуть отъ того грубаго, наивнаго, дѣтскаго оптимизма, которому мы такъ любимъ предаваться. Не могу понять, откуда взялся этотъ оптимизмъ. Ужъ не составляетъ ли онъ злополучнаго наслѣдства, завѣщаннаго намъ прошлымъ вѣкомъ? А иначе съ чего бы, помилуйте люди взяли, что, вообще жить и дѣйствовать на свѣтѣ легко, что истина общедоступна и легко распространяется, что добро общелюбезно и легко возбуждается въ сердцахъ, что стоитъ только постараться и прогрессъ ко всему хорошему пойдетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ? Помилуйте, спрашиваю я васъ, гдѣ все это видано и слыхано въ наши времена? Какъ можно было составить о жизни такія ложныя и легкомысленныя понятія? Ежедневно, ежечасно опытъ разрушаетъ ихъ и показываетъ намъ вещи въ ихъ

настоящемъ свѣтѣ; но это не вразумляетъ людей; они только начинаютъ бранить опытъ, начинаютъ называть его горькимъ, суровымъ, неумолимымъ. Я признаюсь вамъ въ этомъ случаѣ становлюсь на сторону опыта и думаю про себя: нечего сказать, хорошъ бы онъ былъ, еслибы все гладили ихъ по головкѣ!

Я, милостивый государь, никогда не былъ оптимистомъ и всегда питалъ даже нѣкоторое отвращеніе къ легкому и пріятному взгляду на міръ. Въ этомъ взглядѣ есть нѣчто неуважительное, нѣкоторое отсутствіе благоговѣнія; послушать иныхъ, такъ истина, добро, красота, словомъ все, что составляетъ цѣль и достоинство жизни, есть такой дешевый товаръ, такой всюду разсыпанный жемчугъ, что онъ валяется подъ ногами у самыхъ грязныхъ свиней. Я этого не думаю; я знаю, что истина этого добро и красота существуютъ въ мірѣ, что искра ихъ таится даже въ каждой душѣ человѣческой; но не смотря на то полагаю, что въ полной и чистой своей силѣ они суть нѣчто высокое,

драгоцѣнное и рѣдкое. Истина трудно достигается, и трудно распространяется; добро составляетъ исключеніе среди господства всякихъ золь; прекрасное рѣдко открывается человѣку во всей своей святости. Такъ это есть и на это нечего жаловаться; нечего жаловаться на то, что идеаль не даетъ себя схватить всякими руками и стащить во всякую нашу грязь, а остается чистымъ и сіяющимъ на своей высотѣ. Только по нашему легкомыслию мы все думаемъ обращаться съ нимъ за просто, и готовы принимать за его воплощеніе всякую дрянь.

Въ особенности непонятно мнѣ то, какимъ образомъ оптимизмъ можетъ держаться въ нашъ вѣкъ, въ наше печальное и трудное время. Какъ можетъ возникать легкомысленная радость въ это время всякихъ язвъ и проказъ, всякихъ египетскихъ казней? Вмѣсто истины надъ міромъ царятъ безчисленныя заблужденія; добра также мало, какъ его всегда бываетъ мало; и прекрасное какъ будто стало чуждаться людей и отворачивать отъ нихъ

свое лицо. Люди теряются все больше и больше, и блуждаютъ какъ во мракѣ.

Оскуденіе идеала, вотъ явная болѣзнь, которою страдаетъ наше время; оскуденіе того свѣта, хотя бы далекаго и недоступнаго, но который все-таки служить руководящимъ свѣтомъ жизни и не даетъ падать духомъ на срединѣ пути. Чувствуя мракъ, все гуще и гуще застилающій имъ глаза, люди приходятъ въ неописанное смущеніе. Можно подумать, что различіе между добромъ и зломъ, это древнее различіе, которое по сказанію было найдено человѣчествомъ въ самыя первобытныя времена, все больше и больше сглаживается въ душахъ людей. Между тѣмъ жить безъ этого сознанія никакъ нельзя; въ груди человѣческой есть потребность не шутить съ употребленіемъ жизни. Незримый голосъ грозитъ и требуетъ себѣ служенія; и вотъ люди, чувствуя свою слѣпоту, перетрусилась самымъ жалкимъ образомъ.

Трусость, милостивый государь, самая отвратительная трусость царить теперь

повсюду, и въ многомудрой Европѣ и въ самомъ европейскомъ углу нашего любезнаго отечества - въ Петербургѣ. Ни одна идея, ни одно ученіе, ни одна мысль не высказывается смѣло, не говоритъ твердымъ и яснымъ голосомъ; ни одно начало не вѣритъ въ себя до конца; все лицемѣритъ, прикидывается, старается выслужиться... Передъ кѣмъ? Передъ чѣмъ? Не передъ дѣйствительною силою, что было бы простительно, а передъ какими-то неясными призраками, тѣнями, созданіями испуганнаго воображенія. Кто не вѣритъ въ себя, тотъ какъ извѣстно кланяется чему ни попало.

Печальная картина! Трусость, милостивый государь, есть дѣло во многихъ случаяхъ весьма извинительное. Можно охотно простить людямъ, если они боятся болѣзней и голода, огня и меча. Тутъ боязнь понятна и вполне основательна. Но неизвѣстно почему боятся сказать свою мысль и свое чувство, но изъ одного паническаго страха измѣнить тому, что считаешь святынею, но безъ всякаго повода

и побужденія говорить не то что думаешь, лгать на себя - вотъ что возмутительно до крайности.

Повѣрьте мнѣ я говорю не общія фразы и не пускаюсь въ отвлеченныя мечтанія. Я живу тутъ въ Петербургѣ, выдаю самыхъ различныхъ людей и потому могу вамъ привести не мало примѣровъ этого нерадостнаго явленія. Я слѣдилъ за этими припадками трусости весьма усердно и знаю много формъ, въ которыхъ она проявляется. Видѣлъ я на примѣръ сѣдого старика, человѣка почтеннаго, котораго я привыкъ уважать за его умъ и характеръ. Однажды, когда я съ нимъ заспорилъ о чемъ-то, - «да вы что думаете?» сказалъ онъ мнѣ вдругъ. «Я вѣдь матеріалистъ! Я вѣдь тоже матеріалистъ!»

Признаюсь вамъ, сердце сжалось во мнѣ отъ этого неожиданнаго объявленія, которымъ онъ думалъ смягчить меня и возбудить о себѣ хорошее мнѣніе. Бедный старецъ! Развѣ я не знаю, какъ ты глубоко религіозенъ, какъ противенъ матеріализмъ всему складу твоей умственной жизни? За

чѣмъ же ты лицемѣришь? Какой страхъ обуялъ тебя, что ты нарочно, для виду, плюешь на самыя дорогія свои вѣрованія? Чего, ну чего ты боишься?

Разскажу другой случай. Пришоль какъ-то ко мнѣ одинъ милый человѣкъ, одинъ изъ милѣйшихъ людей въ Петербургѣ. Онъ только-что воротился изъ одного бойкаго кружка и сталъ мнѣ разсказывать разныя бойкія рѣчи, которыхъ онъ тамъ наслушался. Слушаль я, слушаль, и наконецъ не вытерпѣлъ. «Какой все это вздоръ, сказалъ я. «Какая дикая нелѣпица, какіе безобразнѣйшіе пустяки!»

- Да, съ жаромъ возразилъ онъ, говорите себѣ, что пустяки! Но вы забываете, что вѣдь это говоритъ молодое поколѣніе, и что будущность принадлежитъ ему! Вѣдь не мы съ вами будемъ жить, а они!

На силу я его разговорилъ и успокоилъ. Ну разсудите пожалуста, чего испугался этотъ человѣкъ? Изъ за чего онъ вздумалъ отказаться отъ своего ума, отъ способности «свое сужденіе имѣть»? Онъ испугался призрака еще не имѣющаго никакого

очертанія, испугался идеи, въ которой еще нѣтъ никакого содержанія. Вслѣдствіе этого страха онъ потерялъ возможность различать что добро и что зло, что бѣлое и что черное; онъ уже ничего не видитъ, какъ будто совершенно погасъ въ немъ внутренній свѣтъ души, озаряющій предметы, среди которыхъ мы живемъ.

Новое поколѣніе! Но все равно, къ какому бы поколѣнію вы ни принадлежали - ваша обязанность говорить то, что вы признаете за истину, проповѣдовать то, что вы считаете святынею и настоящимъ достоинствомъ человѣка. Если же вамъ нечего проповѣдовать, если въ душѣ ничего нѣтъ, то лучше молчать, чѣмъ преклоняться передъ чѣмъ-то новымъ, грядущимъ, но неизвѣстно чѣмъ и неизвѣстно какимъ.

Ждутъ! Все ждутъ, все подсматриваютъ и подслушиваютъ, все забѣгаютъ впередъ, чтобы преклониться передъ первымъ идоломъ, который покажется на дорогѣ. Бѣдные идолопоклонники, у которыхъ нѣтъ идоловъ, а есть только желаніе идолопоклонства!

Почти невѣроятно, до чего доходить это странное настроеніе. Бесѣдовалъ я не очень давно съ однимъ почтеннымъ мужемъ о предметѣ великой важности, именно о философіи. Оказалось, что мой учоный собесѣдникъ ждетъ, ждетъ самымъ нетерпѣливымъ образомъ новой философіи, и полагаетъ что эта философія должна родиться отъ современнаго матеріализма. Не мало я удивился. Съ матеріализмомъ еще можно бы справиться, но что вы прикажете дѣлать съ философіей, которая еще будетъ, которая еще никому неизвѣстна, но должна прійти со славою и силою, какая подобаешь настоящей философіи? Какъ вы до нея доберетесь и какъ вы ее опровергнете?

А сверхъ того и матеріализмъ, при такомъ взглядѣ на него, занимаетъ такую позицію, изъ которой его никакими силами нельзя выбить. Положимъ что матеріализмъ есть ученіе неосновательное, поверхностное; учоный мой собесѣдникъ охотно соглашался съ этимъ, ибо на извѣстной степени пониманія съ этимъ стыдно не

соглашаться; но тѣмъ не менѣе, материализму будтобы принадлежитъ неувядаемая слава и неосцѣненная заслуга; ибо изъ него возникнетъ новая философія, которая конечно будетъ самая хорошая, самая истинная и основательная. Ну что вы противъ этого скажете?

Напрасно я возражалъ, прося обратить вниманіе на самыя свойства и сущность материализма, на то, что онъ въ самомъ своемъ корнѣ, есть нѣчто старое, что онъ не только не содержитъ новыхъ зачатковъ, а составляетъ подновленную и получившую ходъ старину, и что слѣдовательно, какъ у насъ говорится,

Гдѣ жъ это видано было,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ?

Я ничѣмъ не могъ убѣдить моего собесѣдника и онъ остался въ твердой надеждѣ на будущую мудрость, которая должна озарить міръ и возродиться изъ материализма какъ фениксъ изъ пепла.

Что прикажете дѣлать? Не знаю я, милостивый государь, что будетъ въ будущемъ и слѣдовательно долженъ молчать, и не смѣю судить, и долженъ трусить cadaго грядущаго дня, и долженъ сторониться отъ cadaго новаго челоѡка.

Удивительно подумать! Вѣдь многіе дѣйствительно сторонятся, вѣдь многіе съ величайшимъ благодушіемъ, какъ будто исполняя нѣкоторую религіозную обязанность, записываютъ себя въ число отсталыхъ, отставныхъ, и потомъ со смиреніемъ и нѣжностью глядятъ на молодое поколѣніе, которому дали дорогу, и о дѣлахъ котораго даже не рѣшаются судить. Бѣдные люди! Какъ они не подумали, что вѣдь стыдно отказываться отъ челоѡческаго достоинства, что не великая услуга - не мѣшать другимъ, что настоящее челоѡческое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы помогать и участвовать.

Молодое поколѣніе! Какъ случилось, что эта мысль, что мысль объ этой массѣ свѣжихъ силъ и надеждъ, перестала оживлять умы и сердца, а напротивъ

отуманила головы, отшибла языки, заставила многих не думать, не говорить и не двигаться? Откуда такое малодушіе, такая растерянность, такое глубокое отсутствіе вѣры въ себя, въ свою мысль и свое чувство?

Приходилъ ко мнѣ нѣкоторый юноша и бойко разговаривалъ о молодомъ поколѣніи. О молодомъ поколѣніи говорятъ много, но эта рѣчь не походила на другія и сильнѣйшимъ образомъ затронула мое вниманіе. Очевидно, говорилъ онъ мнѣ, всѣ толкующіе о молодомъ поколѣніи не имѣютъ о немъ надлежащаго понятія. Всѣ говорятъ такъ, какъ будто молодое поколѣніе составляетъ что-то однородное и нераздѣльное. Между тѣмъ собственно говоря существуетъ не одно, а три молодыхъ поколѣнія. Различить ихъ не трудно, если принять въ соображеніе только время воспитанія. Замѣтьте напримѣръ что Добролюбовъ и многіе другіе причисляемые къ молодому поколѣнію кончили курсъ еще въ прежнее старое время. Это очень важно; они

совсѣмъ не то, что люди, которые проходили свой университетскій курсъ въ нынѣшнее время. Но теперь, да вы не улыбайтесь! является еще третье, новѣйшее молодое поколѣніе; оно состоитъ изъ тѣхъ, кто не только университетское, но уже и почти все гимназическое образованіе получилъ въ нынѣшнее время. Ничего этого не замѣчаютъ, а между тѣмъ эти три поколѣнія различаются рѣзкими чертами. Что для однихъ новость, то другимъ давно знакомо; послѣднее молодое поколѣніе уже не можетъ находить никакого интереса въ томъ, чѣмъ было занято первое; мы иначе смотримъ на міръ; совершенно другія чувства....

«Помилосердуйте!» вскричалъ я, объятый нѣкоторымъ ужасомъ. «Что же вы намъ-то оставляете? Что же значать послѣ этого наши взгляды, наши интересы и чувства въ глазахъ послѣдняго и новѣйшаго изъ молодыхъ поколѣній? Да этакъ просто житья нѣтъ на свѣтѣ. Не успѣешь порядочно заняться какимъ нибудь предметомъ, взяться какъ слѣдуетъ за

какое нибудь дѣло, глядь - ужь новое поколѣніе не раздѣляетъ съ тобою ни чувствъ ни взглядовъ, ни интересовъ. Что за напасть!»

Юноша былъ неумолимъ. Когда онъ ушолъ, я погрузился въ самыя печальныя размышленія. Какое странное настроеніе мыслей! Зачѣмъ они думаютъ объ этомъ? Какой можетъ быть прокъ, какая сласть, какая занимательность въ этихъ мысляхъ? Какъ случилось, что образъ пустого движенія, одной формальной послѣдовательности, приобрѣлъ такую силу и привлекательность для умовъ? Вѣдь изъ этого образа ничего не слѣдуетъ; вѣдь въ немъ ничего нѣтъ, ни хорошаго, ни дурного. За что же его любятъ? За что ему кланяются и его боятся? Отвѣтъ одинъ - потому что нѣтъ другихъ предметовъ любви, страха и поклоненія; потому что слабы любовь, страхъ и поклоненіе, внушаемые другими, настоящими, а не призрачными предметами.

Нѣтъ того, чтобы прямо взяться за дѣло, прямо стремиться къ хорошему и отвергать

дурное; нѣтъ, за все берутся съ боку, со стороны; ко всему прикидываютъ мѣрку совершенно постороннюю и внѣшнюю, мѣрку временнаго слѣдованія. Поэтому ни во что крѣпко не вѣрится и ничто крѣпко не любитя; все настоящее можетъ быть брошено и забыто ради того, что принесеть съ собою грядущая минута.

Печальное настроеніе! А вѣдь во всемъ виноватъ Гегель, все онъ, этотъ великанъ мысли, наплодившій столько заблужденій на свѣтъ. Молодые люди этого не знаютъ; они не знаютъ, подь чью дудку они пляшутъ; между тѣмъ честь изобрѣтенія прогреса всего больше конечно принадлежитъ Гегелю. Правда, еще прежде прогресъ былъ придуманъ французами; но это былъ грубый прогресъ, какой только и могли выдумать узкія французскія головы. Это было - простое сваливаніе въ кучу. Намъ дескать кое-что досталось отъ предковъ, а мы еще прибавимъ; вотъ и все. Гегель же выдумалъ настоящій прогресъ, прогресъ тонкій, глубокомысленный, нѣмецкій. Онъ научилъ разбирать съ

удивительною гибкостію и остроуміемъ, какъ новое рождается изъ стараго, какъ во всякой пакости заводятся черви и изъ самыхъ гадкихъ червей выходятъ мухи. Онъ научилъ, какъ можно видѣть жизнь и движеніе тамъ, гдѣ по грубой французской теоріи ничего нельзя было видѣть. Онъ-то и есть родоначальникъ ученія, по которому каждое новое время тѣмъ или другимъ образомъ представляетъ шагъ впередъ относительно времени предъидущаго.

Бѣдный Гегель! Онъ былъ, милостивый государь, по преимуществу логикъ; т. е. онъ былъ величайшій мастеръ создавать формы, посредствомъ которыхъ можно понимать вещи и думать о вещахъ. До того хороши были эти формы, такъ хорошо они захватывали предметы, такую свѣтлую и правильную связь давали тому, что подъ нихъ подводилось, что наконецъ съ ними случилась бѣда: они оторвались отъ своего содержанія и стали носиться въ умахъ людей какъ самостоятельные предметы. Люди стали воображать, что они что-то понимаютъ и имѣютъ какое-то познаніе,

тогда какъ въ сущности они ничего не знали и не понимали. Первою жертвою такого состоянія умовъ былъ самъ же Гегель, т. е. его философія. Онъ научилъ нѣмцевъ, что такое прогрессъ, и они принялись прогресировать такимъ отчаяннымъ образомъ, что въ скоромъ времени гегелевской философіи не осталось и слѣда, да и вообще впрочемъ не осталось никакой философіи.

Вы думаете, что я пускаюсь въ отвлеченности? Нимало, милостивый государь; все это какъ нельзя больше примѣнимо къ нашимъ современнымъ настроеніямъ. Сколько разъ меня приводили въ изумленіе и досаду эти повороты мысли, эти странныя соображенія, въ которыхъ собственно никакой мысли и никакого соображенія не заключается.

«Какой шумъ! какой шумъ!» кричитъ иной господинъ по поводу какой-нибудь сумятицы. «Какое сильное впечатлѣніе на умы! Вотъ оно - знаменіе времени!» Помилуйте. Ну что жъ тутъ интереснаго и

важнаго? Развѣ не можетъ быть сумятицы изъ-за пустяковъ? Развѣ не могутъ люди взбаломутиться самымъ нелѣпѣйшимъ образомъ, не по дѣйствительному поводу, а что называется съ бухты барахты? Размѣры явленія тутъ ничего не значать, по содержанію оно все-таки можетъ быть пусто. Невольно приходитъ на мысль отзывъ Карлейля по поводу восхищенія формами англійскихъ парламентскихъ преній; да, замѣтилъ онъ, зрѣлище великолѣпное; если одинъ дуракъ будетъ говорить, а шестьсотъ другихъ дураковъ будутъ слушать, то изъ этого выйдетъ очень много пользы.

«Какъ хотите», глубокомысленно замѣчаютъ иногда, «а вѣдь это станетъ историческимъ фактомъ; войдетъ въ исторію литературы....» Опять таки какая вамъ-то нужда, войдетъ или не войдетъ что-нибудь въ исторію? Развѣ это измѣняетъ дѣло хоть на волосъ? Развѣ можетъ отъ этого бѣлое почернѣть, а черное побѣлѣть? Развѣ есть здѣсь хоть малѣйшая точка опоры, чтобы судить о достоинствѣ какого-

нибудь дѣла? Такъ нѣтъ-же; ужь чего-чего только не дѣлается у насъ для того, чтобы подсмотрѣть исторію, забѣжать ей въ бокъ и взглянуть на нее сверху, а главное добратся хоть по догадкѣ, куда она тянетъ, въ какую сторону поворачиваетъ, и ринуться впереди всѣхъ. Сколько тутъ страха, рабства, идолослуженія! Совершенно понятно, что люди въ такомъ настроеніи чувствуютъ себя очень печально, что они вѣчно въ тревогѣ, вѣчно боятся промаховъ и неудачъ.

«Вонъ нынче какое время!» грустно замѣчаетъ иной даже весьма чтимый и прославляемый художникъ. «Нынче бываетъ, что фізіологическая статья производитъ больше впечатлѣнія, больше занимаетъ умы, чѣмъ самое блистательное художественное произведеніе!» Ну сдѣлайте милость, милостивый государь, ну скажите мнѣ пожалуста, развѣ есть какой нибудь толкъ въ этомъ замѣчаніи? Ну чего онъ смотритъ по сторонамъ? Чего онъ подглядываетъ за впечатлѣніемъ фізіологическихъ статей? Что ему тамъ

нужно? За чѣмъ не работаетъ, не занятъ, не поглощенъ своимъ дѣломъ? Не было ли бы это тысячекратно логичнѣе и полезнѣе, чѣмъ наблюдать за теченіемъ времени и приходить въ уныніе отъ чужихъ успѣховъ?

Вообще, милостивый государь, мнѣ весьма не нравится, когда рѣчь заходитъ о паденіи искусства, наукъ, или чего-нибудь подобнаго. Эти рѣчи иногда повторяются. Помните ли вы, какъ напимѣръ Карамзинъ въ концѣ прошлаго столѣтія предвѣщалъ паденіе наукъ? «Паденіе наукъ, говорилъ онъ, мнѣ кажется не только возможнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ.»

Подобныя мысли, какъ я сказалъ, мнѣ не нравятся. Попробуйте-ка съ такою мыслью обратиться къ человѣку учоному, обладающему твердымъ знаніемъ; скажите напимѣръ астроному, что его наука со временемъ потеряетъ значеніе и не будетъ имѣть ходу въ человѣчествѣ: онъ вамъ засмѣется въ глаза. Точно также попробуйте сказать вѣрующему, что предметъ его вѣры со временемъ перестанетъ быть насущною потребностью

людей: онъ посмотритъ на васъ съ глубокимъ сожалѣніемъ. А что отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что уныніе граничитъ съ невѣріемъ, что кто невѣритъ въ силу своего идеала, тотъ уже начинаетъ невѣритъ въ самый идеаль. Наоборотъ вѣра съ надеждою неразлучны.

И такъ, милостивый государь, работать, работать ничтоже сумняся, ни передъ чѣмъ не отступая, ничего не бояся - вотъ истинное правило всякой дѣятельности, а также и литературной.

Признаться вамъ, я даже не мало удивлялся, замѣчая, какъ многіе боятся людей и стараются угодить имъ и не раздражать ихъ. Помилуйте! Люди совсѣмъ не страшны. Нѣкоторые воображаютъ, что люди дѣлятся на добрыхъ и злыхъ. По тщательномъ наблюденіи я долженъ сознаться, что я этого не замѣтилъ. Конечно дѣленіе на добрыхъ и злыхъ есть очень хорошее дѣленіе; но люди кажется напрасно питаютъ притязаніе применять къ себѣ эти понятія. Добры ангелы, и злы демоны; люди же.... какъ бы это сказать?

То, что обыкновенно называется людскою добротою, по моему мнѣнію, есть ничто иное, какъ нѣкоторая натуральная ласковость, та ласковость, которою обладают многія животныя, особенно собаки. Въ силу этой животной ласковости люди суть существа довольно обходительныя. Конечно вполнѣ довѣряться ей невозможно, но нечего особенно опасаться и противоположнаго свойства, т. е. злости. Эта злость имѣетъ у людей столь же бессознательный характеръ, какъ и ихъ доброта. Случается, что самый ласковый господинъ, который постоянно вилялъ хвостомъ и умильно глядѣлъ на васъ, вдругъ ни съ того ни съ сего начинаетъ оскаливать зубы и собирается укусить васъ. Не разъ, признаюсь вамъ, дивился я этому явленію. Но смущаться тутъ никакъ не слѣдуетъ; можно покончить дѣло самымъ простымъ средствомъ. Нужно ударить господина по носу, и не то чтобы сильно ударить, а такъ слегка, самымъ нѣжнымъ образомъ. Будьте увѣрены, что злость въ туже минуту

спадеть съ него и онъ снова станетъ ласковымъ господиномъ.

Нѣчто подобное я могъ бы сказать относительно людей и въ умственномъ отношеніи. Хотя по древнему убѣжденію человѣкъ отличается отъ животныхъ способностію мыслить, однакоже несомнѣнно, что многіе изъ людей не мыслятъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а занимаются только процесомъ мышленія. Такъ гоголевскій Петрушка не читаль, а занимался только процесомъ чтенія. Помню, какъ въ неопытные годы удивиль меня этимъ обстоятельствомъ одинъ баринъ. Произошло въ немъ нѣкоторое движеніе мысли, которое онъ выразиль такими словами: человѣкъ есть произведеніе природы. Ужь какъ онъ носился съ этимъ, какъ былъ доволенъ! Бывало скажетъ въ сотый разъ: да, господа, и человѣкъ есть произведеніе природы! и даже замолчить отъ избытка внутренней полноты и сладости. Долго я не могъ понять, чѣмъ же онъ тутъ доволенъ, что такое для него уясняется и

подтверждается его фразою. Теперь я понимаю: ему сладко было такъ сказать самое ощущение мысли и онъ съ наслажденіемъ повторялъ: человекъ есть произведеніе природы!

А то другой баринъ, еще старинный мой пріятель, сталъ какъ-то передо мною восхищаться тѣмъ давнишнимъ открытіемъ, что все имѣетъ свою причину. Вотъ, говорилъ онъ, истина, такъ истина! Всякое явленіе имѣетъ свою причину! Ужь этого никто и никогда не можетъ опровергнуть. Эта истина примѣняется ко всему безъ исключенія и какое бы явленіе человекъ ни встрѣтилъ, онъ можетъ смѣло искать причины, отъ которой оно произошло!

Такъ онъ былъ доволенъ, что это наконецъ задѣло меня за живое. Ну помилуй, любезный другъ, сказалъ я ему, чему это ты такъ обрадовался? Истина твоя конечно безспорная, да вѣдь она ровно ничего не доказываетъ и не объясняетъ. Вѣдь ты все-таки изъ нее не узнаешь, какія явленія происходятъ въ мірѣ. Ты только знаешь, что явленія связаны между собою,

а больше ничего. Ты даже и связи-то вовсе не понимаешь; вотъ еслибы ты зналъ, какъ по данному явленію найти его причину, то это было бы любопытно; а то вѣдь при одной истинѣ, что на все есть причина, ты можешь для взятаго явленія нагородить такихъ причинъ, которыя ни къ чорту негодятся. Однимъ словомъ, милый мой, съ тобою случилось то, что иногда бывало съ Петрушкою Чичикова; ты прочиталъ слово, которое чортъ знаетъ что значить, да и остался въ полномъ удовольствіи. Такъ не годится.

Такъ-то размышляютъ люди. Могу васъ увѣрить, милостивый государь, что изъ этого источника проистекаетъ большая часть ихъ заблужденій. Попадутъ на какуюнибудь мысль, и носятся, и носятся съ нею, думаютъ, что могутъ посредствомъ нея разрѣшить всѣ вопросы, объяснить всѣ явленія; объясняютъ, объясняютъ... глядь, а и ровно ничего не объяснили.

Таковы люди по моему долговому наблюденію и крайнему разумѣнію. Нѣтъ въ нихъ ни добра ни зла, нѣтъ ни ясной

мысли, ни твердыхъ заблужденій. Радоваться тутъ конечно не чему, но не отъ чего и приходитъ въ отчаяніе. Ибо, милостивый государь, очевидно въ этой зыбкой средѣ дѣйствительная мысль и дѣйствительное чувство не могутъ быть затоплены, не могутъ не обнаружить большаго дѣйствія. Въ людяхъ нѣтъ закоренѣлости ни въ ту, ни въ другую сторону - вотъ чему нужно порадоваться.

И такъ нужно смѣло работать и ничего не бояться. Да не подумайте, милостивый государь, что я произношу эти рѣчи въ какомъ нибудь праздничномъ настроеніи духа. Если бы вы знали, какія печальныя чувства наполняютъ въ настоящую минуту мое сердце! Я скорѣе похожъ на человѣка совсѣмъ разбитаго и подавленнаго, который, чтобы ободрить себя, чтобы не потеряться, обращается наконецъ къ самой глубокой, самой внутренней искрѣ радости и бодрости, согрѣвающей человѣческое сердце. Это та искра, которая остается горящею даже при величайшихъ бѣдствіяхъ, переносимыхъ человѣкомъ.

Потомучто безъ нея сердце холодѣетъ и человекъ умираетъ.

И такъ радость и бодрость! Та радость и та бодрость, безъ которой уже невозможно ни жить ни работать. Вотъ вамъ напутствіе для начала новаго вашего журнала. Можетъ быть оно не совсѣмъ не кстати и не одинъ разъ прійдетъ вамъ на память.

Н. КОСИЦА.

13 Марта.
